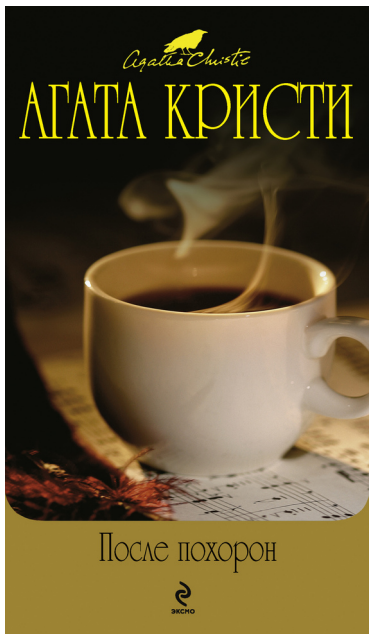

**Агата Кристи
Чарльз Осборн
Черный кофе
Серия «Эркюль Пуаро»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182986
Агата Кристи После похорон: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31613-7*

Оригинал: Agatha Christie, "Black Coffee"

*Перевод:
Т. Н. Чернышева*

Аннотация

«Черный кофе» – роман, написанный Чарльзом Осборном по мотивам одноименной пьесы Агаты Кристи. Впервые пьеса появилась на театральных подмостках в 1930 году. К Пуаро обращается за помощью знаменитый физик сэр Клод Эмори. Однако увидеться с ним Пуаро и Гастингс не успевают – ученый отравлен. При этом исчезла открытая им формула сверхмощного взрывчатого вещества...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Агата Кристи, Чарльз Осборн

Черный кофе

Глава 1

Эркюль Пуаро сидел в своей маленькой уютной квартирке в доме с названием «Уайт-холл» и с удовольствием завтракал. Стоял май 1934 года, утро выдалось солнечное и прекрасное, и, наверное, от этого горячий шоколад со свежайшей бриошью показались вкуснее обычного. Пуаро, обычно не отступавший от правил, на этот раз попросил еще чашечку и еще бриошь. Сам же, в ожидании Джорджа, взялся за утреннюю почту, которая лежала перед ним на том же столе.

Пуаро любил аккуратность. Почта была заранее подготовлена. Конверты лежали стопками, ровно вскрытые специальным, походившим на крохотный меч ножиком, когда-то, давным-давно, подаренным ко дню рождения Гастингсом. В первой стопке лежало ненужное – по большей части конверты с рекламными предложениями. В другой – письма, на которые нужно было отвечать. Разбирать их Пуаро решил после завтрака и уж никак не раньше десяти. Он всегда говорил, что ни один уважающий себя профессионал не принимается за работу раньше десяти утра. Другое дело, конечно, когда ведешь расследование. Как-то раз они с Гастингсом, помнится, выехали из дома затемно, и только ради того, чтобы...

Однако Пуаро не собирался предаваться воспоминаниям о счастливом прошлом. Их последнее с Гастингсом дело давно было закрыто, международная преступная организация под названием «Большая четверка» прекратила свое существование, а Гастингс, старый добрый друг Гастингс, уехал с женой в Аргентину и с тех пор жил там на ранчо. Правда, как раз сейчас, несколько дней назад, он вернулся в Лондон, но по делам и ненадолго, а уж поработать им снова вместе вряд ли еще доведется. Настроение у Пуаро, несмотря на бриошь и солнце в окнах, упало. Конечно, выйдя в отставку, он мог теперь себе позволить браться только за те дела, какие были ему интересны. Но без Гастингса он скучал, без Гастингса пропадал элемент игры, не было зрителя, лучше всех умевшего оценить выдающийся ум Пуаро. Кроме того, интересные дела в последнее время напрочь исчезли. То ли у преступников иссякло воображение, то ли в мире вообще не осталось больше ни загадок, ни тайн, одни только негодяи, которыми движет единственно жажда насилия или наживы, но на них тратить время он, Эркюль Пуаро, считал ниже своего достоинства.

Тут мысли его прервал Джордж, который вошел безмолвно, с чашкой вожделенного шоколада на подносе. Вожделенного даже не потому, что Пуаро хотелось еще раз насладиться сладким густым вкусом, а потому, что ему невольно захотелось продлить, пусть на несколько минут, солнечное весеннее утро, отодвинув тем самым наступление унылого дня, не сулившего ничего хорошего, кроме прогулки в парке и похода в Сохо, в любимый ресторанчик, где он снова пообедает в одиночестве, а на обед выберет для начала – «что у нас там сегодня?» – возможно, *pate*¹, потом морской язык, потом...

Тут Пуаро наконец заметил, что Джордж, поставив перед ним чашку, не удалился, как у них было заведено, в кухню, а остался стоять рядом и что-то ему говорит. Безупречный, невозмутимый Джордж, британец до мозга костей, лучший в мире слуга – Пуаро, прожив с ним под одной крышей не один год, ценил Джорджа больше всех на свете. Молчаливый и не любопытный, Джордж знал все о том, что происходит в семьях высшего света Лондона, а в аккуратности и педантичности уступал разве что самому детективу. Пуаро не раз

¹ Паштет (*фр.*).

говорил ему: «Вы, Джордж, великолепно гладите брюки, но с воображением у вас... Воображения у вас нет». Впрочем, воображения Эркюлю Пуаро хватило бы на двоих, так что умение выгладить брюки он считал даром куда более ценным. Да, с Джорджем ему в высшей степени повезло.

– ...И я взял на себя смелость, сэр, пообещать, что вы перезвоните ему сегодня утром, – продолжал Джордж.

– Прошу прощения, дорогой Джордж, – отозвался Пуаро. – Я немного отвлекся. Кажется, вы сказали, вчера мне кто-то звонил?

– Да, сэр. Когда вы с миссис Оливер ушли в театр, сэр. Записки я вам не оставил, потому что спектакль был поздний.

– Кто же меня спрашивал?

– Джентльмен по имени сэр Клод Эмори, сэр. Номер телефона я записал – это, кажется, где-то в Саррее. Он сказал, что дело весьма деликатное, и просил, если вам сначала ответит не он, то чтобы вы не называли своего имени и о деле разговаривали только с ним.

– Благодарю, Джордж. Положите номер около аппарата, – сказал Пуаро. – Я сначала полистаю «Таймс». Сейчас еще рано звонить, даже по деликатному делу.

Джордж, кивнув головой, удалился, а Пуаро медленно допил шоколад и со свежей газетой в руках вышел на балкон.

Пробежав глазами колонки, он отложил ее в сторону. Новости в международном разделе были, как всегда, ужасны. В Германии Гитлер принял чудовищный закон, подчинявший суды его партии, в Болгарии и, что еще печальнее, в его родной Бельгии к власти пришли фашисты; а на шахте близ Монса, судя по предварительным сведениям, в результате взрыва погибли сорок два человека. Новости местные оказались пусть немного, но лучше. Например, теннисисткам наконец удалось сломить упрямство властей и добиться для себя разрешения выступать в Уимблдоне в шортах. Некрологи Пуаро читать не стал – умершие в тот день были либо его ровесниками, либо – что еще хуже – моложе.

Отложив газету, Пуаро пристроил поудобнее ноги на скамеечке и качнулся в плетеной качалке. Сэр Клод Эмори, повторил про себя Пуаро. Имя показалось ему знакомым. Он явно его где-то слышал, но где? Кто такой этот сэр Клод? Политик? Адвокат? Чиновник? Сэр Клод Эмори. Эмори.

Пуаро решил было вернуться в комнату, но передумал. Так приятно было немного погреться на ласковом утреннем солнце. Днем, когда начнет припекать, на балконе не посидишь.

– Вот станет жарко, – пробормотал Пуаро себе под нос, – тогда и пойду загляну в «Кто есть кто?». Чудесная книга – в ней есть все, кто хоть сколько-нибудь замечен в обществе, значит, должен быть и сэр Клод. А если его там нет? – На это маленький детектив лишь выразительно пожал плечами. Он был сноб и титулы уважал. Если же в книге, удостоившей своим вниманием скромную персону самого Пуаро, сэр Клод Эмори упомянут не только из-за титула, то в таком случае он явно заслуживает, чтобы великий сыщик занялся его делом.

Внезапно дунул сквозняк, и его дуновение, а также разгоревшееся любопытство все-таки прогнали Пуаро с балкона. Он прошел в библиотеку, открыл шкаф со справочниками и достал толстый том в красном переплете с золотыми тисненными буквами: «Кто есть кто?». Полистав страницы, Пуаро быстро нашел, что искал, и вслух прочел:

– «Эмори, сэр Клод (Герберт); рыцарь, посв. 1927; род. 24 ноября 1878. Мать Элен Грэм (ум. 1929); образование: Веймутская грам. школа, Королевский колл., Лондон. Физические исследовательские лаборатории «Дженерал электрик», 1905; КВС Фармборо (радиоволны), 1916; научно-исследовательский институт Министерства авиации, Свонедж, 1921; обнаружил новый принцип ускорения частиц в линейных ускорителях, 1924; «Медаль Монро» за

заслуги в области физики; публикации: в различных научных журналах. Адрес: «Эббот-Клив» близ Маркет-Клив, Саррей. Телефон: Маркет-Клив 314. Клуб: «Атеней».

– Ну конечно, – промурлыкал себе под нос Пуаро, – известный ученый..

Теперь он вспомнил, где слышал это имя. Несколько месяцев назад, когда Пуаро удалось разыскать кое-какие документы, пропажа которых грозила скомпрометировать само Правительство Ее Величества, он беседовал с одним из членов Кабинета. Разговор зашел и о том, что правила, принятые в нынешних министерствах, никоим образом не обеспечивают безопасности важных бумаг.

– Вот, например, – сказал тогда член правительства, – сэр Клод Эмори занимается разработкой научной идеи, невероятно важной для страны, особенно в случае войны. Но он и слышать не желает о том, чтобы работать в лаборатории, где и сам он, и его изобретение находились бы под соответствующей охраной. Работает у себя, в своем загородном доме. О какой безопасности тут может идти речь! Просто ужас!

– Странно, – пробормотал Пуаро, возвращая книгу на место, – неужели сэр Клод решил нанять меня для охраны? Эркюля Пуаро не интересуют ни военные тайны, ни секретное оружие. Но если сэр Клод...

В соседней комнате зазвонил телефон, и Пуаро услышал голос Джорджа.

Минуту спустя Джордж появился в библиотеке.

– Звонит сэр Клод Эмори, сэр, – сказал он.

Пуаро подошел к аппарату.

– Алло. Эркюль Пуаро слушает, – произнес он в трубку.

– Пуаро? Мы с вами не встречались, хотя общие знакомые у нас есть наверняка. Меня зовут Эмори, Клод Эмори...

– Разумеется, мне приходилось о вас слышать, сэр Клод, – ответил Пуаро.

– Послушайте, Пуаро. У меня возникла чертовски сложная ситуация. Или, правильнее будет сказать, *кажется*, возникла. Не знаю, не уверен. Дело в том, что я занимался расчетами ускорения элементарных частиц. Не буду входить в детали, но в Министерстве обороны эту работу считают делом чрезвычайной важности. Теперь работа закончена, я вывел формулу, благодаря которой можно получить новое чертовски мощное взрывчатое вещество. Но в последнее время у меня появились основания подозревать, будто мою формулу пытается похитить кто-то из моих же домашних. Большого сказать не могу, но был бы очень признателен, если бы вы согласились приехать ко мне в качестве гостя на выходные в «Эббот-Клив». Я хотел бы вас попросить взять мои бумаги, отвезти в Лондон и передать одному человеку из Министерства. По ряду причин я не могу вызвать курьера. Мне нужен человек совершенно незаметный, не имеющий отношения к науке, но при этом достаточно умный...

Пуаро перестал на минуту слушать и посмотрелся в зеркало, оглядев свою лысую, похожую на яйцо голову, тщательно напояженные закрученные усы, и подумал, что до сих пор еще никто не догадался назвать Эркюля Пуаро незаметным. Однако мысль о встрече с известным ученым, а заодно возможность прокатиться на день-другой по хорошей погоде за город и еще раз снискать благодарность правительства, всего лишь доставив из Саррея в Уайтхолл бумаги, конечно, важные, но мало кому интересные, показалась ему заманчивой.

– Дорогой сэр Клод, буду рад вам помочь, – перебил он собеседника. – Если вы не против, я мог бы приехать утром в субботу и уехать с бумагами в понедельник в любое удобное для вас время. Очень рад с вами познакомиться.

Странно, подумал Пуаро, положив трубку. Было понятно, если бы такими расчетами заинтересовалась иностранная разведка, но чтобы члены семьи... Впрочем, за два дня он там на месте во всем разберется.

– Джордж, – позвал Пуаро, – отнесите, пожалуйста, в чистку мое теплое твидовое пальто и обеденный костюм. Они мне будут нужны в пятницу, в субботу я на два дня уезжаю за город.

Он сказал это так, словно собрался навсегда уехать в степи Центральной Азии.

Потом повернулся к телефону и набрал другой номер.

– Дорогой Гастингс, – сказал он, – не хотели ли бы вы ненадолго забыть про Лондон и про дела? Весной в Саррее...

Глава 2

Дом сэра Клода Эмори с названием «Эббот-Клив» располагался в двадцати пяти милях юго-восточнее Лондона, неподалеку от маленького городка, точнее, непомерно разросшейся деревни Маркет-Клив, в крохотном, насчитывавшем всего несколько акров, поместье Эмори. Это был большой, красивый, хотя и не вошедший в реестр исторических зданий, особняк времен королевы Виктории. Он стоял в низине среди холмов, местами поросших лесом. К парадным дверям дома, петляя среди деревьев и частого кустарника, подходила посыпанная гравием подъездная дорога. С другой стороны был сад, немного запущенный, дальше – травянистая лужайка и поднимающийся вверх уступами склон.

В пятницу, спустя два дня после телефонного разговора с Эркулем Пуаро, сэр Клод Эмори сидел в своем небольшом, но отлично оборудованном кабинете, который располагался в восточном крыле на первом этаже дома. Начинало смеркаться. Прошло уже несколько минут с тех пор, как стихли звуки гонга, в который ударил к обеду Тредвелл, дворецкий Эмори, человек с безупречными манерами и непроницаемым лицом. Столовая в доме находилась в противоположном конце здания.

При звуках гонга сэр Клод не поднялся с места, а продолжал сидеть, барабанил пальцами по столу, что у него служило признаком крайнего волнения. Ему было за пятьдесят, и в прямых волосах его, зачесанных назад, так что открывался высокий лоб, давно появилась седина. Обычно холодный, взгляд его пронизательных голубых глаз сейчас был полон тревоги и недоумения.

В дверь негромко постучали, и в кабинет вошел Тредвелл.

– Прошу прощения, сэр Клод. Я лишь хотел узнать, слышали ли вы гонг...

– Да, да, Тредвелл, не извиняйтесь. Будьте любезны, скажите всем, что я сейчас приду. Скажите, что я разговариваю по телефону. Мне в самом деле нужно позвонить. Начинайте без меня.

Тредвелл молча удалился, а сэр Клод, глубоко вздохнув, придвинул к себе аппарат. Он достал из ящика письменного стола записную книжку, быстро нашел нужную страницу и поднял трубку. Услышав голос телефонистки, он сказал:

– Говорят из Маркет-Клив три-один-четыре. Соедините меня с Лондоном...

Сэр Клод назвал номер и в ожидании звонка откинулся на спинку кресла. Пальцы нервно барабанили по столу.

Через несколько минут сэр Клод Эмори сел на свое место во главе стола, за которым уже сидели шесть человек. Справа от сэра Клода сидели его племянница Барбара и единственный сын Ричард Эмори. Дальше, за Ричардом – гостивший в доме итальянец доктор Карелли. Напротив сэра Клода – его сестра Кэролайн, незамужняя пожилая леди, которая вот уже несколько лет, с тех пор, как умерла леди Эмори, вела в доме хозяйство. Слева – его секретарь Эдвард Рейнор и невестка, жена Ричарда, Люсия.

Разговор не клеился. Кэролайн хотела было по долгу хозяйки занять гостя светской болтовней, но доктор Карелли вежливо дал понять, что это отнюдь не обязательно. Кэролайн повернулась к Эдварду, но этот обычно милый, прекрасно воспитанный молодой человек в ответ на какое-то ее пустячное замечание резко вскинулся и ответил что-то совсем не к месту. Сэр Клод также не внес оживления и сидел молча, глядя на всех холодно и отчужденно. Мрачный Ричард Эмори не отрывал глаз от тарелки. Один раз он взглянул на жену, но взгляд его был полон тревоги и беспокойства. В хорошем расположении духа пребывала только Барбара, которая и поддерживала тетку легко и непринужденно.

Тредвелл стал уже подавать десерт, и тут неожиданно для всех сэр Клод сказал, обращаясь к дворецкому, но так, чтобы его было хорошо слышно:

– Тредвелл, будьте любезны, позвоните в гараж в Маркет-Клив и попросите их выслать к восьми пятнадцати на станцию машину с шофером, пусть он встретит лондонский поезд. С этим поездом приедет человек, которого я жду.

– Разумеется, сэр Клод, – ответил Тредвелл и вышел.

Он уже подошел к дверям, когда Люсия, вдруг невнятно пробормотав какие-то извинения, вскочила и выбежала из комнаты, едва не сбив при этом с ног дворецкого.

Стремглав выскочив в холл, она побежала по коридору в большую комнату в задней части дома. Комната эта, скорее удобная, чем элегантная, служила в доме одновременно гостиной и библиотекой. Два французских окна выходили из нее на зеленый склон к террасам, еще одна дверь вела в смежный с ней кабинет сэра Клода. С одной стороны был камин, где на полке стояли старинные часы, несколько пустячных украшений и ваза, в которой лежали бумажки для растопки.

Из мебели здесь был большой книжный шкаф, несколько стульев, кресло, письменный стол, на котором стоял телефонный аппарат, кофейный столик, диван, еще один стол, с граммофоном и граммофонными пластинками, стол с книгами и еще один, круглый, на котором красовался в сверкающем медном горшке большой цветок. Вся мебель была не новая, но и не настолько старая, чтобы считаться антиквариатом.

Люсия – двадцатипятилетняя красавица с темными, густыми, доходившими до плеч волосами, с карими глазами, искренняя и непосредственная – встала с несчастным видом посреди комнаты. Потом, не зная, куда деваться, рассеянно двинулась к окну, приоткрыла штору и стала смотреть в сгущавшиеся сумерки. Она тихонько вздохнула, прижалась лбом к стеклу и так и осталась стоять, о чем-то задумавшись.

Из холла послышался громкий голос мисс Эмори, разлетевшийся по всему дому.

– Люсия, Люсия, где ты? – звала она.

Не прошло и минуты, как мисс Эмори – немного суетливая пожилая дама на несколько лет старше брата – появилась в дверях. Она подошла, подхватила Люсию под руку и увлекла ее на диван.

– Успокойся, дорогая. Давай-ка сядем, – сказала она. – Сейчас ты возьмешь себя в руки, и все будет в порядке.

Люсия села и в ответ слабо улыбнулась благодарной улыбкой.

– Да, конечно, – сказала она. – Я уже почти успокоилась.

Произношение у нее было безупречное – может быть, чересчур безупречное, – но едва заметные непривычные интонации выдавали в ней иностранку.

– Мне стало нехорошо, и я испугалась, что вот-вот потеряю сознание, – продолжала Люсия. – Как глупо. Никогда еще со мной такого не было. Сама не понимаю, в чем дело. Пожалуйста, вернитесь в столовую, тетя Кэролайн. Я сейчас приду, только приведу себя в порядок. – Наткнувшись на задумчивый взгляд мисс Эмори, Люсия открыла сумочку и достала носовой платок. – Сейчас, – сказала она. – Вот я уже и в порядке.

Кэролайн недоверчиво посмотрела на нее.

– Дорогая, у тебя весь вечер неважный вид, – произнесла она, с тревогой вглядываясь в лицо Люсии.

– Неужели?

– Да, – ответила мисс Эмори и придвинулась ближе. – Уж не простудилась ли ты, милая? – с тревогой произнесла она. – В Англии тепло коварное. Это тебе не Италия. Италия прекрасная страна, я сама о ней часто вспоминаю.

– Ах, Италия, – задумчиво повторила Люсия и рассеянно положила сумочку на диван. – Италия....

– Понимаю, деточка, понимаю. Ты, должно быть, страшно скучаешь по дому. Здесь у нас все другое – и нравы, и погода. К тому же тебе наверняка все время холодно. Итальянцы...

– Нет. Нисколько я не скучаю! – воскликнула Люсия с горячностью, удивившей мисс Эмори. – Нет!

– Не волнуйся так, деточка, нет ничего дурного в том, что порой человек скучает по дому...

– Нет, – повторила Люсия. – Я ненавижу Италию. И всегда ненавидела. Я счастлива быть здесь с вами. Совершенно счастлива!

– Это очень мило с твоей стороны, дорогая, – сказала Кэролайн, – хотя, по-моему, ты говоришь так исключительно из вежливости. Правда, мы все делали всё возможное, чтобы ты чувствовала себя здесь как дома, и тем не менее скучать по своим так естественно. А без матери...

– Прошу вас, пожалуйста, – перебила ее Люсия, – не нужно о матери.

– Хорошо, конечно, дорогая, если тебе не хочется, я не буду. Я не хотела тебя огорчить. Может быть, тебе принести нюхательной соли? Она у меня есть в комнате.

– Нет, спасибо, – ответила Люсия. – Мне уже лучше. Не беспокойтесь.

– Никакого беспокойства, – твердо сказала Кэролайн. – У меня прекрасная соль, очень милого розового оттенка в очень милом флакончике. И очень резкая. Соль аммония. Или аммиака? Никак не могу запомнить. Но аммиака она или аммония, это тебе не соль для ванны.

Люсия ласково ей улыбнулась в ответ и ничего не ответила. Мисс Эмори поднялась и так и стояла, раздумывая, идти ей за «милым флакончиком» или нет. Машинально она поправила подушки.

– Да, наверное, ты простыла, – решила Кэролайн. – Утром ты выглядела совершенно здоровой. Впрочем, наверное, все оттого, что ты переволновалась, когда приехал твой друг. Этот твой соотечественник, доктор Карелли. Он появился так неожиданно, правда? Наверное, это произвело на тебя слишком сильное впечатление.

За разговором она не заметила, как в комнату вошел Ричард, и не поняла, отчего вдруг Люсия снова сникла, оперлась на подушки и зябко повела плечами.

– Дорогая моя, в чем дело? – воскликнула мисс Эмори. – Опять обморок?

Ричард прикрыл за собой дверь и подошел к дивану. Это был красивый тридцатилетний молодой человек, светловолосый, среднего роста и довольно крепкого сложения.

– Тетя Кэролайн, прошу вас, вы не дообедали, – сказал он, обращаясь к мисс Эмори. – Люсии сейчас станет лучше. Я побуду с ней.

– Ах, это ты, Ричард. Что ж, вероятно, тогда мне в самом деле лучше вернуться, – сказала Кэролайн, нерешительно направилась к двери, но, сделав два шага, остановилась. – Ты ведь знаешь отца, – сказала она Ричарду, – и знаешь, до чего он не любит неожиданных гостей. Особенно посторонних. А уж этого-то никак не назовешь другом семьи.

Она снова повернулась к Люсии.

– Я лишь хотела сказать – мы ведь об этом и говорили, не так ли, дорогая? – я не поняла, каким образом доктор Карелли оказался в Маркет-Клив, если не знал даже, что ты в Англии. Но конечно, тебе, когда вы с ним случайно встретились в деревне, уже ничего не оставалось, кроме как его пригласить. Ты ведь этого не ожидала, не так ли?

– Конечно, не ожидала, – сказала Люсия.

– Мир в самом деле очень тесен. Я всю жизнь это говорю, – продолжала мисс Эмори. – Но у твоего друга лицо довольно приятное.

– Вы так думаете?

– Конечно. Сразу видно, что он иностранец, – сказала мисс Эмори, – и тем не менее лицо приятное. К тому же он хорошо говорит по-английски.

– Да, очень хорошо.

Мисс Эмори явно хотелось что-то понять.

– Ты и впрямь не знала, – спросила она, – о том, что он в Англии?

– Даже не догадывалась! – горячо сказала Люсия.

Ричард не сводил с жены пристальных глаз.

– Приятный для тебя сюрприз, – сказал он жене.

Она бросила на него быстрый взгляд и ничего не ответила. Мисс Эмори просияла.

– Наверняка, – сказала она. – Вы давно знакомы с ним, дорогая? Должно быть, дома вы с ним дружили? Ну, разумеется, должны были дружить.

– Никогда, мы никогда не *дружили*, – ответила Люсия, и слова ее прозвучали неожиданно горько.

– Ах, вот как. Значит, просто знакомый. И тем не менее остался обедать. Я всю жизнь говорю, что все иностранцы несколько бесцеремонны. О-о, разумеется, я не имею в виду тебя, дорогая, – покраснев, перебила себя Кэролайн. – Я хотела сказать... Ведь ты у нас наполовину англичанка. – Она вопросительно взглянула на племянника и добавила: – Теперь можно даже сказать, она совсем англичанка, не правда ли, дорогой?

Ричард ничего не ответил и молча пошел открывать дверь, еще раз давая понять, что Кэролайн пора вернуться к обеденному столу.

– Хорошо, – сказала мисс Эмори и снова нерешительно двинулась к выходу. – Если, по-вашему, я больше ничем не могу быть полезна...

– Да, вот именно, ничем, – сказал Ричард, даже не попытавшись смягчить резкость, и решительно распахнул перед ней дверь.

Мисс Эмори обреченно махнула рукой, робко улыбнулась Люсии и вышла.

Ричард же, с облегчением вздохнув, плотно закрыл дверь и вернулся к жене.

– Какая болтушка, – жалобно произнес он. – Я уже думал, она никогда не уйдет.

– Она хотела мне помочь, Ричард.

– Разумеется. И опять перестаралась.

– По-моему, она меня полюбила, – почти шепотом сказала Люсия.

– Что? Да, конечно, – рассеянно произнес Ричард.

Он не сводил с жены пристальных глаз. Некоторое время оба молчали. Потом, наклонившись к ней, Ричард спросил:

– Ты уверена, что и моя помощь тебе не нужна?

С вымученной улыбкой Люсия ответила:

– Мне не нужна ничья помощь, спасибо, Ричард. Возвращайся в столовую. Мне уже лучше.

– Нет, – ответил он. – Я останусь с тобой.

– Мне хочется побыть одной.

Ричард обошел диван сзади.

– Удобно ли тебе? Хочешь, подложу подушку под голову?

– Мне и так удобно. Только... душно. Не мог бы ты открыть окно?

Ричард подошел к окну и загремел задвижкой.

– Черт! – воскликнул он. – Старик поставил здесь на окно замок. Без ключа теперь не открыть.

Люсия зябко поежилась.

– Пусть, – сказала она. – Ничего страшного.

Ричард оставил задвижку в покое и сел за стол, подперев голову руками.

– Замечательный человек наш старик. Все изобретает и изобретает, – сменил он тему.

– Да, – откликнулась Люсия. – И наверняка заработал немало денег.

– Наверное, – мрачно сказал Ричард. – Только он как раз работает не ради денег. Ученые все на один манер. Им интересны идеи, на остальное плевать. Ускорение частиц, черт побери!

– Твой отец великий человек.

– Вряд ли в Англии найдется еще один физик такого уровня, – мрачно согласился Ричард. – Но было бы очень мило, если бы он хоть иногда вспоминал, что в доме, кроме него, есть и другие люди. – Ричард все больше раздражался. – Меня он ни в грош не ставит.

– Знаю, – кивнула Люсия. – Он держит тебя при себе, ты дома как пленник. Зачем он заставил тебя уйти из армии?

– Наверное, – сказал Ричард, – хотел, чтобы в конце концов я пошел по его стопам. Он никак не может понять, что толку из этого все равно не выйдет. У меня нет и не было таких способностей, как у него. – Вместе со стулом Ричард придвинулся ближе к дивану и снова подпер голову. – Господи, Люсия, иногда я просто прихожу в отчаяние. Денег у него много, конечно, но ведь он все до последнего пенса тратит на эксперименты. Ты-то думала, что он нам даст что-нибудь в счет моего наследства и отпустит.

Люсия резко выпрямилась.

– Опять деньги! – горько воскликнула она. – Все только вокруг них и вертится. Деньги!

– Но без них я ничего не могу! – воскликнул Ричард. – Я как муха в паутине! Муха!

Люсия сочувственно взглянула на мужа.

– Ричард! – проговорила она. – Я тоже...

Ричард бросил на нее тревожный взгляд и хотел было что-то сказать, но Люсия не дала себя перебить.

– Я тоже ничего не могу. Но мы должны что-то придумать.

Неожиданно она поднялась, подошла к мужу, положила ладони ему на плечи и взмолилась:

– Ради всего святого, Ричард, увези меня, пока не поздно!

– Увезти? – спросил он глухо. – Куда?

– Куда хочешь, – пылко ответила Люсия. – Куда угодно! Только подальше от этого дома. Главное быть подальше от этого дома! Я боюсь, Ричард. Я боюсь. Здесь слишком много теней... – Она оглянулась с таким страхом, словно действительно боялась увидеть тень. – Слишком много...

Ричард остался сидеть.

– Куда уедешь без денег? – с трудом проговорил Ричард. И, глядя в лицо жене, горько добавил: – Не очень приятно оказаться замужем за человеком, у которого нет ни гроша, правда, Люсия?

Люсия отшатнулась.

– О чем ты говоришь? – воскликнула она. – Что ты хочешь этим сказать?

Ричард молча смотрел на нее, и лицо его было холодно и бесстрастно.

– Что с тобой сегодня происходит, Ричард? – спросила Люсия. – Ты сам на себя не похож...

Ричард резко поднялся.

– Я?!

– Да. Что происходит?

– То, что... – Он проглотил комок. – Ничего. Все в порядке.

Он повернулся к двери, но Люсия не дала ему уйти.

– Ричард, дорогой... – сказала она. Он убрал от себя ее руки. – Ричард! – повторила Люсия.

Муж смотрел на нее сверху вниз, заложив руки за спину.

– Думаешь, я окончательный идиот? – спросил он. – Думаешь, я не заметил, как этот твой *старый друг* сунул тебе записку?

– Ты хочешь сказать... ты подумал, будто...

Он резко ее перебил:

– Почему ты выбежала из-за стола? Ничего тебе не было плохо. Ты просто придумала предлог. Ты хотела остаться одна, чтобы прочесть эту свою драгоценную записочку. Не могла дожидаться конца обеда. Тебе не терпелось, потому ты и стараешься от всех избавиться. Сначала от тети Кэролайн, теперь от меня.

Глаза его, полные боли и гнева, оставались холодны.

– Ричард, – ахнула Люсия, – ты сошел с ума. Что за глупости! Ты не можешь думать, будто у меня с Карелли что-то есть! Ведь не можешь? Не можешь, правда? Дорогой мой, Ричард, дорогой, для меня есть только ты. Никого, кроме тебя. Ты не можешь этого не понимать.

Ричард не сводил с нее глаз.

– Что было в этой записке? – спокойно спросил он.

– Ничего... ничего.

– Тогда покажи.

– Я... не могу, – сказала Люсия. – Я ее порвала.

Ричард холодно улыбнулся.

– Нет, не порвала. Покажи, – потребовал он.

Люсия ответила не сразу, глядя мужу в глаза.

– Ричард, – сказала она, – неужели ты мне не веришь?

– Я отберу ее у тебя силой, – процедил он, стиснув зубы, и сделал шаг вперед. – Я, я не знаю, что я сделаю...

Он протянул к ней руку, и Люсия от неожиданности отшатнулась, глядя так, словно взглядом хотела его остановить. Неожиданно он отвернулся.

– Нет, – сказал он, словно обращаясь к себе самому, – есть вещи, которых делать нельзя.

Он не отводил глаз от ее лица.

– Но, клянусь богом, если так, то я все узнаю сам от Карелли.

Люсия схватила его за руку.

– Ричард, не делай этого. Не нужно. Не нужно, прошу тебя. Нет!

– Испугалась за своего возлюбленного, не так ли? – осклабился Ричард.

– Он мне не возлюбленный, – с горечью проговорила Люсия.

Ричард взял жену за плечи.

– Может быть, и нет... Пока, – сказал он. – Вероятно, Карелли...

Тут в холле раздались голоса, он замолчал и, сделав над собой явное усилие, отошел к камину, где достал портсигар, зажигалку и закурил. Дверь в библиотеку открылась, голоса стали громче. Люсия, бледная, стиснув руки, без сил опустилась на стул, где прежде сидел муж.

В библиотеку вошли вместе мисс Эмори и Барбара, в высшей степени современная особа двадцати одного года от роду. Швырнув походя сумочку на диван, Барбара подошла к Люсии.

– Приветик, ты в порядке? – спросила она.

Глава 3

Люсия с трудом заставила себя улыбнуться.

– Да, дорогая, спасибо, – ответила она. – Я в полном порядке. В полном порядке.

Барбара с улыбкой взглянула на свою прекрасную черноволосую свояченицу.

– Уже порадовала Ричарда? Он потрясен? – спросила она. – Ведь все дело в этом, правда?

– Порадовала? Потрясен? Не понимаю, о чем ты, – пробормотала Люсия.

Барбара сложила руки, словно баюкая младенца. В ответ Люсия только печально улыбнулась и отрицательно покачала головой, а мисс Эмори в ужасе всплеснула руками.

– Барбара, что ты себе позволяешь! – возмущенно воскликнула она.

– Что такого особенного, – сказала Барбара. – Дети у всех могут родиться.

Тетушка взглянула на нее сердито.

– Что теперь себе позволяют девушки! Бог знает что такое, – сказала она, ни к кому не обращаясь. – В твои годы я в жизни не говорила о материнстве с такой бесцеремонностью, да мне тогда никто бы и не позволил.

Тут хлопнула дверь, и она, оглянувшись, увидела, что Ричард вышел.

– Видишь, Ричард смущен, – сказала она племяннице, – а виновата ты.

– Знаешь, тетя Кэролайн, – отозвалась та, – я, конечно, все понимаю, ты викторианка, тебе пришлось прожить при ней лет двадцать, не меньше. Что ж, ты у нас человек *своего* времени. Но я-то, позволю тебе напомнить, я-то человек *своего*!

– Может быть, я и викторианка, но есть вещи... – начала было Кэролайн, но Барбара фыркнула и перебила:

– Обожаю викторианцев. Разумеется, детей находят в капусте. Подумать только. Какая прелесть!

Барбара порылась в сумочке, нашла сигареты, зажигалку и закурила. Потом хотела было что-то добавить, но мисс Эмори остановила ее жестом:

– Перестань, пожалуйста. Я тревожусь за бедную девочку, а ты пытаешься выставить меня на посмешище.

Неожиданно Люсия закрыла лицо руками и заплакала. Прижав к глазам платок, она едва сквозь рыдания проговорила:

– Вы все ко мне так добры. Ко мне никто никогда так не относился, как вы. Я так рада, что я здесь с вами, я так благодарна, я не могу...

– Успокойся, детка, успокойся, – мисс Эмори бросилась к ней, обняла и погладила по плечу. – Успокойся, моя дорогая. Я понимаю, о чем ты – всю жизнь прожить за границей, это нелегко, даже подумать страшно. Совсем другое воспитание... Континентальные взгляды на этот счет весьма своеобразны. Но не нужно, не нужно...

Люсия встала, нерешительно посмотрела на мисс Эмори. Та подвела ее к дивану, усадила, устроила поудобнее среди подушек и опустила рядом.

– Разумеется, тебе трудно, дорогая. Но возьми себя в руки и попытайся привыкнуть. Конечно, весной в Италии хорошо, особенно на озерах. Я всю жизнь это говорю. Конечно, и лето там провести неплохо. Но жить!.. Не нужно, не нужно плакать, детка.

– Вот что ей, по-моему, действительно нужно, так это выпить чего-нибудь покрепче, – предложила Барбара, садясь на кофейный столик и придиричиво, но дружелюбно рассматривая Люсию. – Что за дом у нас, тетя Каролайн. Мы отстали от жизни лет на сто. Коктейль не из чего сочинить! До обеда виски и шерри и после обеда бренди. Бедный Ричард не может даже сделать себе «Манхэттен». А Люсии сейчас очень бы не помешал «Бокал сатаны».

Мисс Эмори пришла в ужас:

– «Бокал сатаны»?! Это еще что такое?

– Такой коктейль. И, если доме есть все, что нужно, делается очень просто, – ответила Барбара. – Наливаешь бренди пополам с ментоловым ликером и добавляешь немного красного перца. Без перца не то. Потом смешиваешь. Совершенно бесподобно, эффект гарантирован.

– Барбара, разве ты не знаешь, я неодобрительно отношусь к алкоголю, – сказала мисс Эмори, пожав плечами. – Мой отец говорил...

– Уж не знаю, что он там *говорил*, – перебила Барбара, – но *выпивал* наш дражайший дед в день бутылки по три, не меньше. Кто об этом не знает?

На мгновение Кэролайн вспыхнула и едва удержалась от резкости, но сдержалась и с улыбкой ответила:

– Джентльмены – это совсем другое дело.

Однако юная Барбара и на этот счет придерживалась иных взглядов.

– Ничего не другое дело, – сказала она. – Во всяком случае, лично я не понимаю, с какой стати позволять им быть *другим делом*. Они всю жизнь этим пользовались. – Барбара извлекла из сумочки зеркальце, пудреницу и губную помаду. – Ну-ка посмотрим, как мы выглядим, – сказала она себе.

Что-то там привело ее в ужас.

– О боже! – сказала она и принялась яростно красить губы.

– Прошу тебя, Барбара, – сказала тетка, – зачем так намазывать губы, да еще ярко-красной помадой? Она такая вызывающая...

– Надеюсь, – сказала Барбара. – Зря она, что ли, стоит семь шиллингов и шесть пенсов.

– Семь шиллингов и шесть пенсов! Что за безумие, столько денег на...

– На «Стойкий поцелуй», тетя Кэролайн.

– Как ты сказала?

– На помаду. Помада называется «Стойкий поцелуй».

Тетка сердито шмыгнула носом.

– Я еще понимаю, намазать губы, когда холодно или ветер, чтобы не потрескались. Чем-нибудь жирным, например ланолином. Ланолин у меня есть. А помада...

– Дорогая тетя Кэролайн, если хочешь, могу подарить эту помаду тебе. В конце концов, лучше уж подарить, чем потерять где-нибудь в такси. – С этими словами она убрала помаду в сумочку.

Мисс Эмори взглянула на племянницу с недоумением.

– Что ты хочешь этим сказать, в каком такси? Не понимаю, – она пожала плечами.

Барбара поднялась с места, подошла к диванчику и встала у Люсии за спиной, облокотившись на спинку.

– Ничего страшного, зато Люсия меня поняла, правда, солнышко? – сказала она, слегка пощекотав ей шейку.

Люсия Эмори рассеянно перевела на нее взгляд.

– Прости, я не слушала, – отозвалась она. – Что ты сказала?

Кэролайн вспомнила наконец, чего ради пришла.

– Знаешь ли, дорогая, – сказала она Люсии, – меня всерьез беспокоит твое самочувствие. – Кэролайн перевела взгляд на Барбару. – Ей нужно принять что-нибудь профилактическое. Что у нас есть? Лучше всего, конечно, соль. Но, к сожалению, оказалось, что утром Элен, когда вытирала пыль, разбила мой флакон.

Барбара, поджав губы, поразмышляла.

– Знаю! – наконец воскликнула она. – Ты забыла? Больничный склад!

– Какой еще больничный склад? Что ты сегодня болтаешь? Какой склад!

Барбара села на стул рядом с теткой.

– Помнишь ящик, который оставила Эдна?

Мисс Эмори просветлела.

– Ах да, конечно! – И, повернувшись к Люсии, добавила: – Жаль, ты не успела познакомиться с Эдной. Это моя старшая племянница, сестра Барбары. Они с мужем уехали в Индию месяца за три до твоего появления. Эдна очень способная девочка...

– Очень, – согласилась Барбара. – Только что родила двойню. А так как капуста в Индии, кажется, не растет, то, наверное, она нашла их под каким-нибудь развесистым манговым деревом.

Мисс Эмори позволила себе улыбнуться.

– Ну, хватит, Барбара. Я хотела сказать, что Эдна во время войны выучилась на фармацевта. И работала в госпитале, в войну он у нас размещался в городской ратуше. А потом, после войны и до самого замужества, она продолжала работать, но уже в больнице графства. Про микстуры и пилюли она знает все. В Индии ей это пригодится. Но о чем бишь я? Ах да! Перед отъездом она оставила целый ящик лекарств. А что нам было делать со всеми этими ее бутылочками?

– Я прекрасно помню, что она нам сказала с ними делать, – отозвалась Барбара. – Она, перед тем как переехать к мужу, упаковала все лекарства в ящик. И сказала нам их рассортировать и отправить в больницы, а мы забыли или, по крайней мере, сделали вид, что забыли. Ящик убрали на шкаф. Даже Эдна заглянула в него только раз, уже когда собиралась в Индию. Так что там он и стоит, – Барбара махнула рукой в сторону шкафа. – Так никто ничего и не рассортировал.

Барбара придвинула стул к книжному шкафу, взобралась и сняла сверху большой черный ящик из жести.

– Пожалуйста, дорогая, не беспокойся, – пролепетала Люсия.

Барбара не обратила на нее никакого внимания, сняла ящик и поставила на стол.

– Ну, – сказала она, – по крайней мере, я его хоть сняла.

Она заглянула внутрь.

– Господи, да тут целая аптека, – ахнула она и принялась вынимать одну бутылочку за другой. – Йод, бальзам Фрайра, что-то непонятное: «Микст. Кард. Ко», касторовое масло, – она скривилась. – А вот что-то интересненькое!

Барбара достала несколько запечатанных склянок из темного стекла.

– Атропин, морфин, стрихнин, – прочла она на этикетках. – Берегитесь, тетушка Кэролайн, теперь, если вы меня рассердите, я подсыплю вам в кофе стрихнину, и вы умрете в страшных мучениях.

Барбара устрашающе потрясла склянкой, а Кэролайн отмахнулась от нее со смехом.

– Да, но для Люсии ничего нет, – проговорила Барбара, складывая бутылки и склянки обратно. Она еще держала в руке склянку с морфином, когда Тредвелл открыл дверь и в библиотеку один за другим вошли Эдвард Рейнор, доктор Карелли и сэр Клод Эмори. Первым вошел секретарь, молодой человек неприметного вида лет двадцати восьми – двадцати девяти. Он подошел к Барбаре и с любопытством взглянул на ящик.

– Что, мистер Рейнор, интересуетесь ядами? – спросила она, не прекращая своего занятия.

Следом за ним к столу подошел и доктор Карелли, очень смуглый темноволосый человек лет около сорока. Одетый в прекрасно сшитый костюм, ухоженный, обходительный, он прекрасно говорил по-английски, с едва заметным акцентом.

– Что это у вас здесь такое, мисс Эмори? – спросил он.

Сэр Клод, который о чем-то беседовал с Тредвеллом, задержался у двери.

– Вы все поняли? – громко спросил он.

– Безусловно, сэр.

Тредвелл вышел, а сэр Клод приблизился к остальным. Не обратив никакого внимания на предмет общего интереса, он сказал:

– Надеюсь, доктор Карелли, вы меня извините, если я уйду к себе? Мне необходимо написать еще несколько писем. Рейнор, не могли бы вы пойти со мной?

Сэр Клод вошел в кабинет, и Эдвард Рейнор направился следом. Когда дверь захлопнулась, Барбара вдруг выронила из рук склянку.

Глава 4

Доктор Карелли быстро нагнулся, поднял ее и хотел было вернуть. Но взгляд его упал на этикетку, и невольно доктор воскликнул:

– Ого, что это! Морфин! – Потом взял другую, которая все еще лежала неубранная на столе: – Стрихнин! Позвольте узнать, дорогие леди, откуда у вас такие смертельно опасные штучки? – И Карелли с интересом заглянул в ящик.

Барбара взглянула на холеного итальянца с неприязнью.

– Наследие войны, – коротко бросила она с ехидной усмешкой.

Кэролайн заволновалась и подошла к доктору.

– Не хотите ли вы сказать, доктор, будто здесь и впрямь яды? Яды опасны для жизни. А этот ящик стоит на шкафу уже несколько лет, и ничего. Нет-нет, здесь у нас безвредные препараты, иначе быть не может.

– Прошу прощения, – сухо отозвался доктор Карелли, – половины содержимого этих склянок хватило бы отправить на тот свет человек двенадцать. И вы называете это безвредными препаратами? Тогда я не понимаю, что такое вредное.

– О господи! – в ужасе выдохнула Кэролайн и тяжело опустилась на стул.

– Вот, например, – продолжал Карелли, обращаясь ко всем троим одновременно. Он взял в руки еще одну склянку и медленно прочел: – «Стрихнина гидрохлорид». Семь-восемь этих крошечных таблеток, и смерть обеспечена. Довольно неприятная смерть, между прочим. Даже в высшей степени неприятная. – Он достал из ящика еще одну. – «Атропина сульфат». Отравление атропином напоминает отравление трупным ядом. Тоже довольно мучительная смерть.

Отложив атропин, он достал третью.

– Так, а это что такое? – сказал он, тщательнее, чем прежде, выговаривая слова. – «Гиоцина гидробромид». Звучит безобидно, не так ли? Но должен вас огорчить, милая мисс Эмори, половины этих крошечных белых таблеток хватит, чтобы... – Он сделал выразительный жест. – Никаких мучений. Человек просто быстро уснет. Скорый сон без сновидений. Вечный сон ².

Он подошел к Люсии, держа склянку в вытянутой руке так, словно предлагал ей проверить на себе справедливость этих слов. Губы его улыбались, но взгляд оставался холодным.

Люсия завороченно смотрела на склянку. Она потянулась к ней, повторила, словно под гипнозом:

– Скорый сон без сновидений... – прошептала она.

Доктор Карелли с любопытством взглянул на Кэролайн. Потрясенная, она молчала. Пожав плечами, со склянкой в руке Карелли отошел.

Дверь открылась, и появился Ричард. Ни слова не говоря, он сел за письменный стол. Следом за ним вошел Тредвелл с подносом, на котором стояли кофейник и чашки. Тредвелл поставил поднос на столик, а Люсия принялась разливать кофе.

Барбара взяла две чашки, одну отнесла Ричарду, села и отхлебнула кофе, пока он не остыл. Доктор Карелли тем временем складывал склянки в ящик.

– Знаете, доктор, – сказала Кэролайн, – своими разговорами про все эти сны без сновидений и страшные смерти вы меня до полусмерти напугали. Полагаю, вы так хорошо знаете яды, потому что вы итальянец?

² Намек на стихотворение А. Теннисона «Кракен».

– Дорогая леди, – рассмеялся Карелли, – вы несправедливы к итальянцам. Разве ваши слова не *non sequitur* ³? Почему итальянец должен разбираться в ядах лучше, чем англичанин? Насколько я знаю, яды, как говорится, оружие женщин, а не мужчин. Или, быть может, вы вспомнили об *итальянке*? Быть может, вам даже пришло на ум имя Борджиа? Не так ли, а?

Он отнес чашку Кэролайн, вернулся к столику и взял себе.

– Лукреция Борджиа, это чудовище! Да, если говорить честно, я вспомнила именно о ней, – призналась тетушка Кэролайн. – В детстве она мне снилась в кошмарах. Я представляла ее себе очень бледной и, как наша дорогая Люсия, высокой и черноволосой.

Доктор Карелли протянул Кэролайн сахарницу. Она отрицательно покачала головой, взяла у него из рук сахарницу и сама поставила на поднос. Ричард отодвинул чашку, взял со стола журнал и принялся его перелистывать. Кэролайн продолжала:

– Да, тогда мне снились кошмары. Как будто я в комнате, где сидят только взрослые и ребенок только я одна, все что-то пьют из прекрасных кубков. Потом входит красивая женщина – как ни странно, действительно похожая на тебя, Люсия, – и протягивает кубок мне. По ее улыбке я понимаю, что пить нельзя, но почему-то не могу отказаться. Она будто гипнотизирует взглядом, я пью, в горле начинает жечь, я задыхаюсь. Потом, конечно, я просыпалась.

Доктор Карелли подошел к дивану, шутливо поклонился Люсии и сказал:

– Дорогая Лукреция, пощадите нас, бедных.

Люсия на шутку не отозвалась. Она не слушала. Повисло молчание. Доктор, чему-то улыбнувшись, отошел, допил кофе, поставил чашку. Барбара оглядела собравшихся, залпом проглотила свой кофе. Всеобщая мрачность ей надоела.

– Как насчет музыки? – предложила она и направилась к граммофону. – Ну-ка, что тут у нас? А-а, это замечательная пластинка, сама купила позавчера. – Пританцовывая, Барбара принялась напевать. – «Айки... у-у-у, это еще что, ну и ну». А это?

– Ах, Барбара, дорогая, что за вульгарные песенки! – Мисс Эмори даже поднялась и сама заглянула в пластинки. – Здесь же есть куда более приятные вещи. Хочешь легонького, пожалуйста, вот тебе Мак-Кормак. «Священный город» – замечательное сопрано, не помню, правда, кто поет. И вот это... «Мельба» обычно выпускает приличные вещи... А-а... О-о! Да! Гендель, «Ларго».

– Прошу тебя, тетя! Не хватало сейчас только Генделя, – возмутилась Барбара. – Нет уж, если тебе непременно нужно что-нибудь тяжеленькое, то вот тебе итальянские оперы. Вот в них вы должны разбираться, доктор. Идите-ка помогите.

Карелли подошел к столу, и они втроем склонились над пластинками. Ричард все еще листал журнал.

Люсия встала и медленно, будто бы бесцельно, приблизилась к жестяному ящику. Убедившись, что никто на нее не смотрит, она достала склянку с наклейкой «Гиоцина гидробромид» и высыпала в ладонь почти все ее содержимое. В этот момент открылась дверь кабинета, на пороге появился Эдвард Рейнор. Незамеченный Люсией, он смотрел, как она положила склянку обратно и отошла к кофейному столику.

Из кабинета донесся голос сэра Клода. Что именно он сказал, никто в столовой не разобрал, кроме секретаря, который повернулся и ответил:

– Да, конечно, сэр Клод. Сейчас я принесу кофе.

Он шагнул было к столику, но остановился, услышав новый вопрос:

– А где письмо Маршаллу?

– Ушло с дневной почтой, сэр Клод.

– Рейнор, я ведь предупредил!.. Пожалуйста, идите сюда, – загремел ученый.

³ Нелогичны (лат.).

– Прошу прощения, сэр, – сказал секретарь, вернулся в кабинет, и дверь снова закрылась.

Люсия, оглянувшись на голос, не поняла, что Рейнор заметил, чем она занималась. Стоя спиной к мужу, она высыпала все таблетки себе в чашку и присела на край дивана.

Неожиданно граммофон ожил и заиграл фокстрот. Ричард отложил журнал, одним глотком допил кофе и сел рядом с женой.

– Ловлю тебя на слове. Я решился. Мы уедем.

Люсия с удивлением взглянула на мужа.

– Ричард, – тихо сказала она, – ты это серьезно? Уедем? Но мне показалось, ты говорил... А как же?... Откуда ты возьмешь деньги?

– Есть много способов добыть денег, – хмуро ответил Ричард.

– Что ты хочешь этим сказать? – с тревогой спросила Люсия.

– Я хочу сказать, что если человек любит свою жену так, как я тебя, он что-нибудь непременно придумает. Непременно.

– Мне больно тебя слушать, Ричард, – сказала Люсия. – Значит, ты мне так и не поверил, ты решил купить мою любовь за...

Она замолчала, и тут дверь кабинета снова открылась и снова появился Эдвард Рейнор. Он подошел к столику, взял в руки чашку, Люсия при этом отодвинулась в угол, а Ричард задумчиво встал у камина и загляделся в огонь.

Барбара, пританцовывая под музыку, хотела было пригласить кузена на танец. Но вид у него был до того мрачный, что она отвернулась к Рейнору.

– Не хотите ли потанцевать, мистер Рейнор? – спросила она.

– С удовольствием, мисс Эмори, – отозвался секретарь. – Но сначала я отнесу кофе сэру Клоду.

Неожиданно Люсия поднялась.

– Мистер Рейнор, – торопливо сказала она, – вы взяли не ту чашку. Это мой кофе.

– Неужели? – сказал Рейнор. – Прошу прощения.

Люсия взяла со стола другую чашку и забрала свою из рук Эдварда.

– Пожалуйста.

Она загадочно улыбнулась сама себе, поставила свою чашку на стол и снова села.

Секретарь, повернувшись ко всем спиной, достал из кармана несколько таблеток и бросил их в чашку. Не успел он сделать и двух шагов, как его снова остановила Барбара:

– Ну пожалуйста, потанцуйте со мной, мистер Рейнор. Я пригласила бы доктора Карелли, но он просто умирает от желания потанцевать с Люсией.

Рейнор собрался было что-то сказать, когда его опередил Ричард.

– Не спорьте с ней, Рейнор, – посоветовал он, – спорить с ней себе дороже. Отдайте-ка чашку. Я вполне способен вас в этом заменить.

Рейнор неохотно отдал чашку. Ричард помедлил мгновение и шагнул в кабинет. Барбара с Рейнором перевернули пластинку и закружились в вальсе. Доктор Карелли улыбнулся и подошел к Люсии, которая с удрученным видом все еще так и сидела в углу дивана.

– Мисс Эмори пригласила меня провести у вас все выходные, – сказал он. – Очень мило с ее стороны.

Люсия подняла на него глаза и не сразу ответила:

– Она очень добрый человек.

– Здесь вообще очень милый дом, – продолжал Карелли, подходя ближе. – Как-нибудь покажите его мне. Меня очень интересует архитектура этого периода.

Тем временем Ричард вышел из кабинета. Не взглянув на доктора и жену, он подошел к ящику и принялся просматривать содержимое.

– Мисс Эмори расскажет вам о нем лучше меня, – ответила Люсия. – Я не успела еще его изучить.

Оглянувшись и увидев, что Ричард занят лекарствами, Барбара танцует с Рейнором, а мисс Эмори дремлет и никто на них не смотрит, Карелли опустился на диван рядом с Люсией и тихо, но твердо сказал:

– Вы уже сделали то, о чем я просил?

– Пожалейте меня, – с отчаянием прошептала Люсия.

– Вы сделали то, о чем я сказал? – еще тверже повторил вопрос Карелли.

– Я... я... – Люсия замялась, поднялась, пошатнулась, резко повернулась и быстро пошла прочь. Взявшись за ручку двери, которая вела в коридор, она попыталась ее открыть, но дверь не поддавалась.

– Что-то случилось с защелкой! – воскликнула она, оглянувшись. – Я не могу открыть.

– Что-что? – удивилась Барбара, продолжая танцевать.

– Я не могу открыть дверь, – повторила Люсия.

Барбара и Рейнор прекратили танцевать и подошли к двери. Ричард снял иглу и тоже к ним присоединился. Все пытались открыть дверь по очереди, но все безуспешно. Карелли и проснувшаяся мисс Эмори наблюдали за ними с нескрываемым изумлением.

Из кабинета, никем не замеченный, появился сэр Клод с кофейной чашкой в руках.

– Странно! – воскликнул Рейнор, оставив попытки справиться с ручкой. – Похоже, ее заклинило.

– Нет, не заклинило. Она заперта. Заперта снаружи, – громко сказал сэр Клод, и все вздрогнули от неожиданности.

Мисс Эмори поднялась со своего места, подошла к брату и что-то хотела сказать, но сэр Клод опередил ее вопрос.

– Это я велел ее запереть, – сказал он.

Под изумленными взглядами сэра Клод подошел к столику и положил в кофе сахар.

– Я должен вам кое-что сказать. Ричард, будь любезен, позвони Тредвеллу.

Ричард раскрыл было рот, но заколебался, промолчал, подошел и нажал кнопку возле камина.

– Прошу вас, все сядьте, – сказал сэр Клод, указывая на диван и стулья.

Доктор Карелли, вскинув брови, первый подошел к стулу. Его примеру последовали Люсия и Рейнор, Ричард же, покачивая головой, снова отошел к камину. Мисс Эмори вместе с племянницей расположились на диване.

Когда все устроились, сэр Клод развернул кресло так, чтобы ему было всех видно, и тоже сел.

Дверь открылась, и вошел Тредвелл.

– Вы звонили, сэр Клод?

– Да, Тредвелл. Вы позвонили по тому номеру, который я вам дал?

– Да, сэр.

– Ответ был положительный?

– Конечно, положительный, сэр.

– Значит, машина уже выехала на станцию?

– Да, сэр. Шофер успеет.

– Очень хорошо, Тредвелл, – сказал сэр Клод. – Заприте нас.

– Хорошо, сэр, – ответил Тредвелл и удалился.

И все услышали, как в замке снова поворачивается ключ.

– Клод, – воскликнула мисс Эмори, – ради всего святого, что Тредвелл...

– Тредвелл выполняет мое указание, Кэролайн, – сурово сказал сэр Клод.

– Не мог бы ты объяснить, что происходит? – холодно спросил отца Ричард.

– Именно это я и собираюсь сделать, – ответил сэр Клод. – Пожалуйста, выслушайте меня спокойно. Вы уже убедились, что обе двери, – он показал на двери, которые вели в коридор и холл, – заперты на замок. Из кабинета есть только один выход, через эту комнату. Окна тоже заперты. – Развернувшись вместе с креслом в сторону Карелли, он как бы между прочим добавил: – Замки новые, патентованные, никто в доме, кроме меня, не умеет с ними обращаться. – И вновь обратился ко всем: – Таким образом, комната превратилась в мышеловку. – Он взглянул на часы. – Сейчас без десяти девять. Минут в пять десятого появится крысолов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.